

Что происходит с нами во время футбола

О игре, труде, рынке и нации

Kai Froeb

Об этом переводе

Этот перевод выполнен машинным способом с помощью ИИ и ещё не полностью проверен человеком. Если вы найдёте ошибки, пожалуйста, сообщите нам о них по адресу feedback@reflexivitypress.com. Каждый, кто купил книгу и сообщил нам об ошибках, бесплатно получит исправленную редакцию в виде электронной книги.

Автор
Kai Froeb
https://kai.froeb.net

Издательство
Reflexivity Press
São Martinho do Porto
Издание Кая Фрёба

Последняя версия и исправления:
https://reflexivitypress.com/ru/knigi/froeb-fussball-essay
Отзывы: feedback+ru.fussball-essay.v2.8@reflexivitypress.com
Обложка: https://reflexivitypress.com/en/about/cover-art/

Публикация
2026-11-17
Перевод: 2026-11-19
Версия 2.8
Typeset with LaTeX (LuaHBTeX, Pandoc + Eisvogel)

Примечание о создании
Написано с помощью языковой модели Claude (Anthropic). Замысел, содержание и ответственность принадлежат автору. Перевод выполнен с помощью языковых моделей ИИ. Как велась эта работа, описано в эссе автора:
https://reflexivitypress.com/ru/o-nas/mashiny-kotorye-pishut/

© Copyright 2026 by Reflexivity Press, São Martinho do Porto.
Все права защищены.

Zero Marginal Cost License 1.3 (ZMC 1.3)

Краткое изложение для читательниц и читателей

То, что не имеет предельных издержек, не должно иметь барьеров.

Вы можете

- Произведение **бесплатно читать, скачивать и копировать**.
- **Распространять в цифровой форме произведение без изменения содержания в некоммерческих целях** с указанием автора, источника и лицензии.
- Изменять технический формат файла и вносить необходимые адаптации для обеспечения доступности, не изменяя содержания.
- Для личного некоммерческого использования **печатать или заказывать печать отдельных экземпляров и дарить их**; непосредственные расходы могут возмещаться без наценки.
- Для собственного личного, непубличного и некоммерческого использования **создавать переводы**.
- Индивидуально использовать произведение в образовательных и исследовательских целях и при некоммерческом использовании цитировать его по научным стандартам, не заменяя его подборкой цитат.

Условия

Использование должно оставаться **некоммерческим**. При публичной передаче, насколько это разумно возможно, следует указывать **автора, источник произведения и лицензию**. Вы не должны налагать дополнительные юридические или технические ограничения и не должны создавать ложное впечатление о поддержке со стороны автора или издателя.

Все остальные права сохраняются

Настоящая лицензия разрешает исключительно прямо указанные виды использования. Любое использование, выходящее за эти пределы, требует отдельного разрешения правообладателя, если только оно уже не разрешено законом.

Законные правомочия на использование и права на вознаграждение остаются незатронутыми. Права третьих лиц могут регулироваться отдельными условиями.

Важное примечание: Это краткое изложение служит лишь для ориентировки и не является самостоятельным лицензионным договором. Определяющим является полный текст **ZMC 1.3**:

https://reflexivitypress.com/ru/zmc/

Об авторе

Kai Froeb (*1963) живёт в Сан-Мартинью-ду-Порту на португальском побережье Атлантики.

Когда вы читаете эту книгу, вы уже знаете самое важное об авторе: он не просит вас верить ему. Все его книги устроены так, что написанное в них можно проверить собственным мышлением — это не формула скромности, а способ построения. Если ваше суждение расходится с текстом, значит, либо достигнута граница этой книги, либо стала видна особенность вашего мышления. И то, и другое ценнее простого согласия.

Путь к этому прошёл по двум долго шедшим параллельно траекториям. Одна началась в старших классах в Люнебурге и в летних школах народного университета в Гёрде, где три недели углублённо изучался один текст; она вела через математику, информатику, экономику, культурологию и юриспруденцию — сознательно без дипломов, чтобы сохранить путь поперёк дисциплин. Другая началась в 1980 году на Commodore CBM 8032 с воспроизведением ELIZA Вайценбаума и стала профессией: программирование, сопровождение приложений, управление проектами и обучение — сначала в небольших софтверных компаниях, затем в крупных IT-корпорациях, и наконец более десяти лет в производственном совете и профсоюзе.

Что эти две траектории принадлежат вместе, стало ясно поздно. То, что за сорок лет работы в программном обеспечении становится привычкой — разбирать структуры, делать видимыми зависимости, проверять, выдерживает ли что-то нагрузку, — это то же ремесло, которое нужно философскому аргументу.

С 1998 года Froeb издаёт **hegel.net** — доступный на одиннадцати языках и, вероятно, самый обширный многоязычный ресурс по Гегелю в интернете, включая публичный архив из более чем пятисот оцифрованных оригинальных изданий Гегеля и гегельянцев XIX века.

Через hegel.net состоялся контакт с Иоганнесом Хайнрихсом, чьи труды Froeb сегодня издаёт как публицист.

Его девиз восходит к тем школьным годам и с тех пор доказал свою полезность: «Истина есть целое». Это предложение требует интеграции, которая не должна ничего вытеснять — и поэтому его труднее выполнить, чем оно звучит.

Если вы найдёте в этой книге что-то неточное или упущенное, ваша критика — самый ценный вклад, который вы можете в неё внести.

Zur Herkunft dieses Textes

In meiner Grundschule in Belgien gab es jeden Morgen Gymnastik. Ich habe jede Stunde darauf gewartet, dass sie vorbei ist, und bei Sportübungen geht es mir bis heute so. Beim Mannschaftssport wurde ich als Letzter gewählt. Im Fußballverein, in den meine Mutter mich anmeldete, durfte ich Torwart oder Verteidiger spielen, weil das niemand wollte; nach ein paar Monaten waren der Verein und ich uns einig. Beim Judo habe ich jahrelang meinen weißen Gürtel verteidigt. Das Beste daran war das Malzbier mit meinem Vater danach. Sportübertragungen im Fernsehen bedeuteten, dass die Zeichentrickserie ausfiel.

Später habe ich mit Kollegen Fußball geschaut, und hier im Café in Portugal tue ich es wieder. Nicht wegen des Spiels — das langweilt mich noch immer. Die Leute freuen sich, und man kommt ins Reden.

Genau das ist der Gegenstand dieses Essays. Wie bildet sich dieser Zusammenhalt? Woher kommt die Tradition, das Gefühl von Gemeinschaft, das „Wir“ eines Menschen, der keinen Ball berührt hat? Dass Politiker und Firmenchefs das benutzen, ist die kleinere Frage. Die größere ist, warum es sich benutzen lässt.

содержание

Что происходит с нами во время футбола **1**
Один гол 1
Игра и труд 1
Болельщик 3
Почему это привязывает 5
Почему именно футбол 7
Оборотная сторона 8
Кто зарабатывает 9
Большое «мы» 12
Что остаётся открытым 15

что происходит с нами во время футбола

Один гол

Забивают гол[1], и целый стадион вскакивает. Незнакомые люди бросаются друг другу в объятия. В тысячах гостиных люди кричат на телевизор, словно игроки могут их услышать. Наутро кто-то говорит в офисе: «Мы выиграли» — хотя сам не касался мяча, не знает никого из игроков и не имел ни малейшего отношения к происходившему на поле.

Откуда берётся это «мы»?

Игра и труд

С античных времён различают необходимый труд, отдых и свободную деятельность; в современности это часто превращается в противопоставление труда и игры. Игра кажется свободной, потому что будто бы несёт цель в самой себе; труд — несвободным, потому что направлен на заработок, хлеб, пропитание. Игра была бы тогда островом свободы в мире, полном принуждений.

Только такое разграничение разделяет то, что неразделимо. Футболист бежит, отдаёт пас, бьёт, и каждый шаг преследует цель: удержать мяч, найти партнёра, поразить ворота. Пас служит игровой комбинации, комбинация — голу, гол — победе, победа — турнирной таблице. Целая лестница целей,

1 Поводом к этому эссе послужила статья «Copa do Mundo — futebol, mercado e identidade nacional» Кристиана Ибера, Ажемира Бавареско и Лутиеро Эссвайна (A Terra é Redonda, 24 июня 2026 года). Оттуда заимствованы ведущее трёхчастное деление на игру и свободу, рынок и национальную идентичность, а также несколько мотивов — футбол как глобальный язык простых правил, превращение фанатской принадлежности в потребление, сохранение нации в условиях глобализации. Настоящая работа исходит из иного: из фанатского «мы», из иерархий целей вместо самоцельности, из механики фанатской привязанности и из внимания как экономического сырья.

одна над другой. Свою цель исключительно «в самой себе» игра тоже не имеет.

Радость тем не менее присутствует — от движения, от удавшегося дриблинга, от точного паса. Но она не стоит рядом с целями, она заключена в них. Её испытывают, преследуя цель, а не вместо неё. Даже тот, кто играет лишь для развлечения, тем самым преследует цель — именно развлечься.

Различие между игрой и трудом, следовательно, не в том, что у одного есть цели, а у другого нет. Оно в том, как цели укоренены в жизни. Цели игры ограничены рамками: они действуют в очерченном пространстве, их последствия ограничены, всё целое повторяемо. Проигрывают матч — и в следующую субботу снова начинают с начала. Цели труда стоят под давлением реального поддержания жизни — кто их не достигает, теряет не игру, а заработок, должность, средства к существованию. Эта безболезненность последствий и делает игру лёгкой, пока она остаётся игрой. У профессионала серьёзность труда возвращается в игру.

Профессионал преследует те же цели, что и мальчишка на дворовой площадке, ту же лестницу от паса до повышения в классе. Что у него добавляется, так это не иная цель, а чужая рука над всей лестницей. Он наёмный работник: продаёт свою рабочую силу, действует по контракту, подчиняется тренеру, служит клубу, находящемуся под экономическим давлением. Пока он играет, решение о том, что он делает, принадлежит ему уже не полностью — он тренируется, когда назначают, играет там, куда ставят, меняет клуб, когда его продают. Его воля не исчезает; он импровизирует, принимает решения, толкует игру в каждую секунду. Но он движется в чуждых, заданных извне рамках и теперь желает того, что должен желать в соответствии с целями контракта, клуба и тренера. Не потому, что его положение подобно положению зависимого или раба — профессионал юридически свободен и часто богат, — а потому, что в смягчённой, добровольной форме повторяется тот же структурный момент: деятельность стоит под чужой целью.

К этому привязано больше, чем футбол. В тягость превращается не сама игра, а игра под чужим руководством. Одна и та же деятельность радует, пока она собственная, и давит, как только над ней встаёт чужая воля. Кто это видит, слышит призыв «надо больше работать» иными ушами.

В футболе нечто скрывает эту жёсткость, и именно это делает его таким удобным образом. Конкуренция, сплочённость одиннадцати, общая цель затмевают то, что игроки показывают результат для других — для клуба, его владельцев, его баланса. Поэтому команда так охотно служит образцом

для мира труда: трудовой коллектив воображают как команду, дружно бегущую к общим воротам, а капиталистическая форма под ней — кто чьи цели исполняет, кому принадлежит результат — исчезает из виду. Именно это делает образ идеологически полезным.

У топ-игрока наёмный труд опрокидывается в две стороны одновременно. Вверх: звезда мирового класса настолько дефицитна, что диктует условия, о которых обычный работник и мечтать не смеет. Вниз: его карьера коротка, тело изнашивается, признание зависит от результата. Спад формы, травма, возраст — и вчерашний кумир больше не играет роли. Его капитал — тело, а оно теряет рыночную стоимость быстрее, чем заканчивается обычная профессиональная карьера; никакая солидарная касса этого не восполняет. У самых высокооплачиваемых смягчают деньги: кто за годы славы откладывает миллионы, тот впоследствии обеспечен. Тяжело приходится множеству тех, кто ниже, большинству профессионалов, которые и так едва живут футболом и под конец остаются ни с чем. Большой футбол — не исключение из мира труда, а его заострение.

Да и сами игроки циркулируют в этом порядке подобно товару и рабочей силе. Таланты из более бедных регионов — Африки, Латинской Америки, части Азии — рано обнаруживают, обучают, продают и перетягивают в центры футбольного капитала, в Европу и в последнее время туда, где деньги всего толще. Это то же движение, что у любого другого капитала: он ищет дешёвую силу там, где она растёт, и стягивает доход туда, где уже накоплен. Футбол отражает в этом международное разделение труда в миниатюре.

Болельщик

Болельщик не играет, он смотрит — и страдает, ликует, надеется, отчаивается из-за событий, на которые не может повлиять. Первое, что его несёт, — это умение ценить мастерство. Кто смотрит хороший матч, видит людей, которые чем-то владеют, и умеет это оценить; именно потому, что сам не может, он догадывается, насколько это трудно. Так ценят мастерство певца, актёра, танцора — исполнение, которое разворачивается в самом действии. Аплодисменты удавшемуся дриблингу не куплены.

Но одного этого ещё недостаточно, чтобы сделаться болельщиком. Мастерством соперника можно восхищаться и всё же его не выносить. Болельщик пристрастен, и в этом его сердцевина.

Он причастен. «Я — поклонник „Шальке“», «я болею за Аргентину» (DE: „ich halte zu Argentinien“) — такие фразы определяют человека. Кто болельщик, тот есть некто: часть сообщества с его историей, героями, заклятыми врагами. Старые принадлежности распадаются — конфессия, сословие, профессия на всю жизнь, — и вопрос «Кто я?» остаётся открытым. Клуб даёт ответ, который сразу под рукой, не требует образования и помещает человека в более широкий порядок.

За этим стоит потребность древнее рынка. Обособленный, рассчитывающий только на себя индивид, чья свобода состоит в том, чтобы покупать и выбирать что угодно, не существует изначально. Никто не рождается Робинзоном; человек рождается в семье и с самого начала мыслит взаимосвязями. Там, где рынок ещё не проник повсюду, это видно отчётливее — там индивид понимает себя прежде всего через родство, место, общую историю, а не как выбирающее единичное существо. Рынок растворяет эти связи, одну за другой, превращая их в множество отдельных обменивающихся — но потребность в общности он не растворяет. Он её обостряет. Чем более обособлен индивид, тем сильнее тяга к принадлежности, и бренды, потребительские общины, фан-круги, виды спорта обслуживают её, каждый по-своему.

Некоторые из этих сообществ реальны: коллеги по работе, школьные товарищи — хотя можно спросить, насколько и они уже изъедены конкуренцией и деньгами. Другие только воображаемы, и оттого не нереальны: они не существуют до общего знака, а возникают вместе с ним и действуют. Обнаруженная общность помогает в разговоре, порождает симпатию, даёт точку соприкосновения: кто называет тот же клуб, уже не совсем чужой. В футболе следы растворения лежат открыто, и всё же болельщик переживает себя связанным с другими болельщиками и разделяет с ними чувство, которое кажется ему основополагающим.

Местный клуб, хочется думать, по крайней мере разумно обоснован — это ведь «моя» команда. Но сами игроки — не мы. Это не наши дети, даже не наши друзья, а люди, которые случайно родились в том же городе, — в профессиональном клубе даже этого нет, их дорого покупают со всего мира. Их не знают.

Связующее, стало быть, лежит не в команде, а в том, что вокруг неё. Чем ближе предмет, тем больше следов реальной общности. Может быть, играет племянник знакомого. И прежде всего: коллеги все идут на матч, в офисе вместе переживают, уже отец и дед болели за тот же клуб. А все, кто живёт в этой местности, и так разделяют нечто общее — клуб делает эту общность зримой, он её символизирует. Здесь лежит реальное основание:

люди одного места действительно имеют дело друг с другом, и в клубе они видят это ещё раз перед собой.

Это меняется по мере укрупнения единицы. У крошечного государства — Монако, островной страны — граждане разделяют почти столько же, сколько жители города. У больших стран, таких как Германия, Бразилия, США или Китай, общее основание становится тонким; то, что символизирует национальная сборная, едва ли уже имеет под собой реальную общность. Чем дальше, тем меньше следов — пока у далёкой звезды не остаётся ничего реального, кроме самого энтузиазма.

Отсюда своеобразная роль спорта сегодня. Когда было две телепрограммы, нация в один и тот же час сидела перед одним и тем же детективом. Смотрели в семье и знали, что миллионы в тот же миг видят ту же картинку. Одновременность создавала общность за пределами гостиной. Это распалось; у каждого свой сериал, свой канал, свой экран. Спорт — одно из последних мест, где миллионы всё ещё одновременно переживают одно и то же, — последний костёр.

Почему это привязывает

Почему клуб привязывает сильнее, чем было бы разумно? Поможет сравнение с другим, к чему люди привязываются.

Сначала бренд. Через то, что покупаешь, показываешь, кто ты — машина, лейбл, гаджет. У большинства брендов это остаётся знаком; едва ли кто-то строит свою личность на том, что носит одну марку кроссовок, а не другую. У немногих удаётся больше: пользователи Apple, владельцы Harley переживают свой бренд как часть себя, защищают его, узнают друг друга. Это мечта рекламщиков — сделать из клиентов общину. Там, где она сбывается, бренд уже почти клуб.

У болельщика такая община уже есть, и она покоится на том, чего бренду недостаёт. Бренд привязывает через обладание; люди делятся тем, что покупают. Клуб привязывает через общую судьбу: победа и поражение, взлёт и падение, дерби, травма, трансфер. Пользователь Apple не проигрывает в субботу Samsung, владелец Harley не вылетает в низшую лигу. У бренда — клиенты; у клуба — товарищи по страданию. Люди встречаются, вместе переживают, делят радость и разочарование — семья единомышленников, нечто большее, чем общий знак.

И это совместное переживание — не прохладное чувство. Сердце бьётся быстрее, что-то стоит на кону, исход открыт. Как в фильме ужасов или в триллере, напряжением и страхом наслаждаются именно потому, что сидят на зрительской скамье и по-настоящему удар не получают. Только болельщик, в отличие от кинозрителя, всё же полагает себя задетым — и он задет вместе с другими. Разделённое с другими волнение, разделённый восторг представляются ему чем-то основополагающим, почти экзистенциальным, и это связывает сильнее всякого спокойного согласия.

В спорте добавляется своеобразное: человек думает, что сам вносит вклад. Двенадцатый игрок, домашняя игра, вера в то, что собственная поддержка имеет значение. На стадионе в этом что-то есть: шум трибун несёт одних и давит на других, и преимущество своего поля — не просто воображение. Но перед экраном, где сидит большинство, ни один игрок не слышит крика — и всё же болельщик переживает там не меньше и ощущает себя столь же участником судьбы своей команды. Привязанность сильнее всего там, где влияние наименьшее.

Затем состязание. Apple и Windows его не ведут; каждый лагерь чувствует своё превосходство, но нет судьи, нет результата, нет решения. Спорт решает, по твёрдым правилам, с победителем и побеждённым. Это отдельный источник страсти, с двумя сторонами.

Одна — удовольствие от самого противостояния, от соизмерения сил. Оно сидит не только на стадионе, но и в словесной дуэли рэперов, в перепалках ютуберов, в политической полемике. Спор затягивает; человек принадлежит к одной стороне, занимая позицию против другой. Вторая сторона — особенность лигового механизма. Выборы решают однажды, потом тишина. Здесь же неделю за неделей сражаются заново, выигрывают, проигрывают, и едва сезон заканчивается, начинается следующий. Никогда не выигрывают окончательно и никогда не заканчивают; никогда не проигрывают окончательно и никогда не сдаются. Машина, порождающая всё новое напряжение, — поэтому она привязывает надолго, как мало что другое.

И наконец, общая история, в том числе болезненная. У каждого клуба своя сага: мы были там, когда ещё стояла старая трибуна, вместе ездили на выездной матч, вместе пережили поражение от гола на последней минуте. Совместно перенесённые раны, но только без последствий — проигрываешь матч, а не жизнь. Именно отсутствие последствий делает их связующим средством: кто вместе выстоял горькое поражение, связан, как люди, пережившие реальную нужду, — только без её цены. У самой жизни часто нет

истории, в которой ты фигурируешь; она — мешанина случайностей. Клубная история поставляет то, чего не хватает, — повествование с триумфом и трагедией, в котором у тебя есть роль.

Почему именно футбол

Все это относится не только к футболу. У каждого вида спорта есть свои болельщики, и в каждом обнаруживается то же самое, примененное к нему. Но некоторые виды спорта требуют отдельного объяснения, почему именно они овладевают страной, — часто исторического: крикет в Англии, бейсбол в США, выросшие на протяжении поколений.

Футбол — больше этого. Он простирается далеко за пределы своего происхождения — через Европу и, путями колониализма, через Южную Америку и Африку. В значительной части Азии и в Океании у него, правда, нет такого же культурного первенства; там наверху стоят другие виды спорта: крикет, бейсбол, регби. Но и там он растет, и турнир все больше вовлекает эти регионы. Почему он одни части света захватил гораздо глубже, чем другие, следовало бы исследовать отдельно. Там же, где он укоренился, это усиливается само собой: то, что имеет ранг, медиа раздувают, а поскольку звезды — миллионеры, идея богатства соединяется с идеей игры. Но более глубокая причина — доступность. Не каждый умеет петь, и не каждый умеет играть в гольф: одно требует таланта, другое — поля, клюшек, денег. Футболу нужны свободная площадка и мяч, больше ничего. Каждый сам играл, каждый может побежать вместе с игрой, каждый — праздновать вместе. То, что знаешь на собственном опыте, ценишь иначе, чем то, чем владеют лишь мастера.

Выбор того, за кого болеешь, тоже имеет здесь свой диапазон. Изначально это клуб города, команда собственной страны. Но можно взять за образец само мастерство, поверх происхождения — Месси, Роналду, как раньше многие за пределами Германии — Бориса Беккера. То, что медиа раздувают то, что хотят видеть массы, а массы хотят видеть то, что раздувается, — не простая манипуляция, а дело, которое взаимно усиливает само себя.

Оборотная сторона

Болельщик думает, что вносит вклад, подбадривая команду. В спортивном отношении он делает это гораздо меньше, чем думает, а сидящий перед экраном — и вовсе нет; его ликование не заменит ни паса, ни рывка, ни удара.

Он все же вносит вклад, только иначе, чем думает. Болельщик — не противоположность потребителя, а самый интенсивный потребитель: билет, жареная колбаска, шарф, футболка, журнал, иногда акция. И более того: будучи болельщиком и воодушевляясь, он поддерживает свой интерес к играм. Этот интерес, умноженный на миллионы, делает игры ценными, ведь внимание болельщиков и есть товар, который здесь продается. Так спортивное и экономическое действие даже расходятся: тот, кто участвует на стадионе, встречается реже; тот, кто перед экраном и в спортивном отношении ничего не достигает, — именно тот, чье внимание несет машинерию.

Таким образом, он действительно помогает клубу — не тем, что команда играет лучше, а тем, что воодушевляется и тем самым создает интерес, которым все живет. Это логика конфуцианского ритуала: он действует не потому, что принуждает к цели, а потому, что его исполнение укрепляет порядок. Так болельщик укрепляет клуб тем, что он болельщик и показывает это. Его исполнение и есть вклад — экономический, которого он не видит, а не спортивный, который он имеет в виду.

Возможно, хорошо, что он этого не видит. Если бы он при каждой игре знал, что его подлинная роль — роль плательщика, увлечение держалось бы труднее. Расхождение ощущаемого и действительного действия не случайно; оно сохраняет самоотдачу чистой.

Насколько далеко простирается использование внимания в коммерческих целях, видно по тому, что оно тем временем перестраивает саму игру. На чемпионате мира 2026 года каждая половина матча прерывалась трехминутной паузой для воды, в каждом матче, даже на кондиционированном стадионе и в мягкую погоду. Из двух таймов получались четыре четверти, как в американском спорте. Первая причина уважительна: матчи проходили североамериканским летом, и жара угрожает игрокам. Но в ту же паузу вещатели теперь могли ставить свою рекламу — во всяком случае там, где это позволяют программирование эфира и национальные правила, потому что пользуются этим не все; полное переключение с идущей игры, которого футбол до тех пор не знал. ФИФА уверяет, что сама на этом ничего не зарабатывает; прибыль получают владельцы прав на трансляцию, и только для

американского вещателя ходят оценки примерно в 250 миллионов долларов дополнительных рекламных доходов. Верна ли точная сумма, менее важно, чем структура: перерыв в игре становится продаваемым эфирным временем.[2] Футбол долго был необычен тем, что его сорок пять минут шли без перерыва — между ними не было места для рекламного блока. Именно это пустое место теперь оказалось заполнено.

К той же логике относится перерыв в финальном матче, который на чемпионате мира 2026 года впервые по образцу Супербоула был превращен в шоу с участием известных музыкантов. И паузы для воды, и сценическое шоу имеют одно и то же происхождение: никто из болельщиков этого не требовал, и то и другое было введено сверху, без обсуждения. В этом и состоит главный вывод — не в том, что есть реклама и шоу, а в направлении решения. Формат игры ориентируется не на то, чего требуют игра или зритель, а на то, что можно продать. Субстанция следует за делом, а не наоборот; и то, что утвердится здесь, на самой большой сцене, затем тем легче утвердится в более мелких соревнованиях.

Кто зарабатывает

Цифры отрезвляют пересуды. Ежегодное исследование фиксирует двадцать клубов мира с наибольшими доходами и делит их поступления на три потока: игровой день (билеты, питание), трансляции и коммерческую деятельность (спонсорство, реклама, атрибутика). В последний раз около 43 процентов приходилось на коммерческую деятельность, 38 — на трансляции, 19 — на игровой день.[3]

Таким образом, в кассе стадиона болельщик платит лишь меньшую часть. Но два больших потока зависят от него. Чего стоят права на трансляцию? Они стоят столько, потому что смотрят многие; платят за показ, потому что вокруг трансляции можно продать рекламу. Спонсорство платит по той же

2 Ср. Reuters, 24 июня 2026 г., об обязательных паузах для воды на 22-й и 67-й минутах и их официальном обосновании; The Guardian, 14 июня 2026 г., о рекламных правилах, которые разрешают вещателям рекламу во время пауз, если за тридцать секунд до возобновления игры они возвращаются к показу матча. Не все вещатели этим пользуются (например, ITV и Telemundo — нет).

3 Deloitte Football Money League 2026; цифры по двадцати клубам с наибольшими доходами за сезон 2024/25, в сумме около 12,4 миллиарда евро.

причине: потому что болельщики смотрят. В конечном счете более восьмидесяти процентов доходов сводятся к одному — к монетизации внимания, которое болельщик создает тем, что он болельщик.

(Эти цифры происходят от крупнейших клубов мира, которые дальше всего превратились в бренды. В районной лиге расчет выглядит иначе, с большим количеством сосисок и меньшим спонсорством. Насколько далеко этот механизм простирается вниз, следовало бы проверять отдельно; наверху он ясен.)

На этой вершине сидит еще один, о ком говорят редко: организатор. Соревнованию нужен кто-то, кто его проводит, устанавливает правила, допускает участников, определяет место, продает права. Этот один — ФИФА для чемпионата мира, МОК для Олимпийских игр — сидит на монополии. Рядом с «чемпионатом мира» нельзя поставить второй, так же как рядом с сетью городского водопровода нельзя поставить вторую. Тот, кто держит монополию, назначает цены на трансляции, спонсорство и билеты почти по своему усмотрению.

На чемпионате мира 2026 года это «по своему усмотрению» приняло новую форму. Цены на билеты больше не были фиксированными, а колебались в зависимости от спроса, как на бирже: растет интерес к матчу — цена в реальном времени растет вместе с ним. Это то же динамическое ценообразование, которое известно по авиабилетам и отелям, и оно приближает билет к объекту спекуляции: его цена измеряет уже не то, сколько стоит матч, а то, что рынок дает в данный момент. Организатор тем самым снимает ровно ту сумму, которой в данный момент стоит воодушевление. Внимание болельщика, которое и без того является подлинным товаром, выжимается еще и в момент его самого сильного всплеска.

Где кто-то один решает, что превращает ничего не стоящее благо в ценное, коррупция близко — не иначе, чем у местного политика, который определяет, становится ли поле землей под застройку. История ФИФА пронизана коррупцией: от систем взяток до спорных решений о местах проведения турниров. Механизм, который удерживает ее стабильной, похож на механизм Организации Объединенных Наций: федераций-членов больше, чем государств — членов ООН, и у каждой есть один голос. Голос небольшой островной федерации весит столько же, сколько голос большой футбольной державы. Это звучит демократично и имеет предсказуемое следствие. Многие малые федерации вместе образуют большинство, и они зависят от поддержки сверху — от денег на поля, тренеров, молодежь. Эта поддержка реальна и необходима; в этом и заключается ее двойственная природа. Тот, кто ее распределяет, создает зависимость и благодарность, хочет он

того или нет, а тот, кто хочет остаться наверху, ее культивирует. Не всякая поддержка — взятка; но система, в которой доступ, признание и деньги проходят через одни руки, подвержена патронажу — господству через распределение. Так законная помощь становится средством лояльности, и для этого никогда не нужна открытая покупка. Доходный бизнес остается нетронутым, пока удерживается большинство.

Как работает этот механизм, показывает увеличение турнира. Число участников сначала расширили до сорока восьми команд, а в день матча открытия президент ФИФА заговорил о следующем расширении до шестидесяти четырех.[4] Предложила его южноамериканская конфедерация, разово, к столетию первого чемпионата мира 1930 года. В спортивном отношении за это говорит мало; более вероятен другой расчет. Новые места достались бы прежде всего странам Глобального Юга, федерациям Африки, Азии, Центральной и Южной Америки, и там в первую очередь их функционерам, которым участие принесло бы поддержку и славу. Кто дает им и то и другое, получает их голоса. Расширение выглядит как расширение участия и одновременно является средством увеличения удерживаемого большинства. Оно ничего не стоит тому, кто сидит наверху; цену платит турнир, который становится все более бесформенным, и платят болельщики, для которых он оказывается дороже и дальше.

Та же власть решает, кому вообще позволено участвовать. Россия с момента нападения на Украину исключена из всех соревнований; США, чьи военные в те же годы неоднократно применяли насилие за чужими границами, проводят чемпионат мира. Не нужно приравнивать эти случаи, чтобы заметить отсутствие меры: нет правила, которое убирает агрессора со сцены, иначе оно касалось бы не только одного. Россию удалось исключить, потому что она уже была изолирована; США — хозяин, крупный рынок, медиадержава, центр порядка, который несет турнир, — исключить их значило бы разрушить сам турнир. Кому позволено стоять на сцене наций, решает не право, а власть.

Самый острый случай разыгрался вокруг Ирана. С конца февраля 2026 года страна-организатор вместе с Израилем вела против него необъявленную войну. Когда турнир начался 11 июня, эта война еще продолжалась. 14 июня, за день до первого матча иранской сборной, было объявлено о

4 Это предложение внес в марте 2025 г. в Совет ФИФА президент уругвайской федерации Игнасио Алонсо; президент южноамериканской конфедерации КОНМЕБОЛ Алехандро Домингес представлял его 10 апреля 2025 г. на ее конгрессе (Buenos Aires Times, 10 апреля 2025 г.). Джанни Инфантино говорил об этом 11 июня 2026 г. бразильскому каналу CazeTV (Malay Mail, 13 июня 2026 г.); в июле он объявил, что органы ФИФА рассмотрят это предложение (Al Jazeera, 13 июля 2026 г.).

договоренности о ее окончании; в конце июня США вновь нанесли по Ирану удары с воздуха, а 12 июля, за неделю до финала, последовала новая волна ударов.[5] Последствия непосредственно затронули спортивную сторону. Внутренняя лига, в которой играет значительная часть команды, была из-за войны на месяцы приостановлена; команде пришлось перенести базу из США в Мексику, и она получала лишь краткосрочные визы на дни вокруг отдельных матчей, так что каждый раз должна была немедленно возвращаться; отдельные сотрудники вообще не смогли въехать. И все же турнир шел, как будто ничего не было. Соревнование, подающее себя как праздник взаимопонимания народов, выдерживает то, что организатор бомбил одного из участников, пока катился мяч, — яснее нельзя показать, что сцену упорядочивает не право, а власть, которая ею обладает.

Самоотдача многих внизу и монопольная рента немногих наверху принадлежат друг другу. Воодушевление болельщика, самое подлинное в этом деле, — сырье, из которого наверху становится прибыль.

Большое «мы»

Остается то «мы» из начала, которое произносит человек в кабинете, хотя сам ничего не сделал. На чемпионате мира оно становится самым большим.

Кто говорит там «мы»? Перед одним и тем же экраном, в одной и той же футболке, при одном и том же голе ликуют рабочий и член правления, кассирша и главный врач. На время игры кажется снятым то, что реально существует весь год: различие слоев, классов, состояний.

Футбол относится к этому различию трояко. Одни клубы его несут: там, где друг другу противостоят два клуба одного города, оно социально заряжается — благородный против простого, буржуазный против альтернативного, и выбор клуба говорит, кто ты есть, а кто нет. Другие клубы его перекрывают: за клубом промышленного города стоит весь город, от рабочего до директора. Национальная сборная, кажется, его стирает; она соединяет поперек всех слоев.

---

5 Удары США и Израиля по Ирану с 28 февраля 2026 г. (The Daily Signal, 28 февраля 2026 г.); о договоренности о прекращении войны президент Трамп объявил 14 июня 2026 г. (NPR, «The U.S. and Iran announce a deal to end the war», 14 июня 2026 г.); первый матч Ирана, 2:2 против Новой Зеландии, состоялся 15 июня 2026 г. в Инглвуде (Dawn, по AFP). Новые удары США по Ирану в конце июня и 12 июля 2026 г., после того как Трамп объявил перемирие завершенным (Al Jazeera, «US launches new wave of strikes against Iran, aimed at „degrading“ military», 12 июля 2026 г.); финал состоялся 19 июля 2026 г.

Этой общности как раз нет снаружи, в реальной экономике. Там люди разделены — верх и низ, капитал и труд, бедные и богатые. На стадионе объединенным выглядит то, что снаружи разделено, как в армии, где все сословия также растворяются в товариществе, которое обычно их разделяет. Символическое снятие классов, действительное в переживании и равное нулю по последствиям: после финального свистка каждый возвращается в свое положение.

На чемпионате мира к «мы» присоединяется еще и страна. Сборная представляет ее; это не только общность, которую переживают, но и общность, представляющая целое — нацию. Тем самым меняются правила. Выступают не клубы, а федерации, и тот, кто хочет играть за страну, должен иметь ее гражданство. Здесь логика открыто опрокидывается: игрока иного происхождения, рожденного в другом месте, натурализуют, чтобы он мог играть, и болельщики приветствуют это, когда он забивает. Исключение, которое обычно приписывают национальному, при этом не просто исчезает; оно приостанавливается, пока игрок успешно воплощает национальное «мы». Кто забивает, тот свой. Кто проваливается, может внезапно снова показаться чужим, чье происхождение вдруг вспоминают.

И то, что представляют команды, они также выражают. У каждой свои цвета, свой герб, свой талисман, часто собственная манера игры и самоподачи, по которой ее узнают. Болельщики продолжают это: украшают себя флагами и раскрашенными лицами и доводят национальное до фольклорного — шлемы викингов, сомбреро, пиво в национальных цветах. Так воображаемое единство на одно лето становится пестрым и видимым, а многообразие стран выходит рядом на одну сцену. Это и повод, благодаря которому телезрители между делом узнают что-то о далеких странах, которые иначе никогда не появляются, — своего рода урок географии между матчами.

Поддержка собственной страны при этом не единственное соотношение. Рядом с ней стоит высокая оценка команд, которые играют особенно красиво, — наслаждение само по себе, независимо от происхождения. Некоторые культивируют ее как собственное отличие: они делают больше, чем просто машут флагом, — они умеют различать и хвалить прекрасное. То и другое идет рядом, и в случае сомнения побеждает все же собственная страна. При этом расчет странным образом всегда сходится: если своя команда обыгрывает фаворита, это большое достижение; если играет вничью — почетный результат; если проигрывает — то ведь против лучших. Собственная страна, собственно, не может проиграть.

Особая симпатия достается малому — не тому, кто просто идет ко дну, это лишь курьезно, а тому, кто выбивает большого из турнира, прежде чем потерпит неудачу сам. Это затрагивает нечто: в реальной жизни большинство скорее Давид, чем Голиаф. Как человек, будучи маленьким, вживается в большого, так он вживается в малого, который показывает большому.

Дальше идет тот, кто нагружает пары тем, что приходит ему в голову по поводу стран, — их политикой, их историей, их положением в мире. Тогда в финале играют не Испания против Аргентины, а старая колониальная держава против поднимающегося, уверенного в себе третьего мира; и тот, кто знает победителя, знает, куда идет мир. Но тот же матч можно наделить и другими ролями: страна ультранеолиберализма и близости к Трампу против страны с другой традицией. Оба толкования возникают из одной и той же встречи, и исход каждый раз подтверждает то, которое принесли с собой. То, что годится для двух противоположных выводов, не несет ни одного из них. У каждой страны достаточно истории, чтобы дать ей роль, которая сейчас нужна; выбор категории определяется желаемым результатом. На чемпионате мира 2010 года опрашивали осьминога в аквариуме, который должен был предсказывать исход матчей, выбирая между двумя коробками с едой. Между его выбором и результатом не было никакой связи, и все это знали. Политическая нагруженность по своему устройству — то же самое движение: связь, привнесенная к делу извне, у которой в самом деле нет ничего, что ее несло бы, — только она считает себя глубокомысленной. Одиннадцать играют против одиннадцати; кто выигрывает, зависит от формы в данный день, случая и решений судьи, а не от экономической политики правительств. Удовлетворяется здесь потребность в значении, которого игра не дает.

Но страна — не клуб. С клубом человека связывает только выбор; от собственной страны он действительно зависит — через законы, налоги, защиту, жизнь, которую в ней ведет. Поэтому национальная идентификация не так безобидна, как идентификация с клубом. Под покровом дружбы народов и образа хорошего проигравшего все же идет конкуренция наций, и она затрагивает реальное. Марксистская критика, видевшая в классовом примирении уже идеологию, опиум, находит здесь свой более острый случай. «Мы» игры охватывает и тех, кто правит страной, и их политику — причем именно тогда, когда ею недовольны или она направлена против собственных интересов. Это видно по тому, что критика собственной страны легко считается очернением своего гнезда, и по тому, что правящие охотно сидят на трибуне, в блеске игры, который немного ложится и на них.

Но блеск ложится не только на правящих. Он достигает и обычного гражданина. Кто родом из страны, чья команда сейчас блистает, к тому за границей обращаются по этому поводу — как будто он сам что-то совершил. У собственной страны отличная сборная, значит, и ты вместе с ней немного отличный. Много из этого не следует, но немного симпатии — да, а она важна в общении с чужими.

Что это означает, можно видеть двумя способами. Возможно, символическое примирение смягчает давление, мешающее взяться за реальный раскол: футбол на несколько часов дает чувство равенства и снимает остроту стремления к действительному равенству. Хлеба и зрелищ. Или пережитое единство, каким бы без последствий оно ни было, есть предвестие возможного — напоминание, что слои могут встречаться, что разделяющее не есть последнее слово. Тогда футбол не успокаивает, а будит. Какая точка зрения верна, зависит от обстоятельств, которые следовало бы проверять в каждом отдельном случае.

Что остаётся открытым

Кое-что лишь затронуто. Удовольствие от противостояния, глубоко сидящая потребность в «мы против них», чей корень остаётся открытым. Насилие хулиганов, которое объясняется не самим болением, а его переломом: там, где люди ни в чём ином не чувствуют себя действенными, символическое противостояние опрокидывается в реальное, и клапан становится очагом пожара. И вопрос, насколько всё это, показанное на больших клубах, верно для маленького клуба за углом, где осталось больше подлинных следов общности.

Футбол — это игра и труд одновременно, общность и бизнес, подлинное чувство и проданное внимание, символическое примирение и, возможно, предощущение действительного. В одном-единственном слове «мы», которое при голе вырывается из тысячи глоток, заключено всё это. Тот, кто его выкрикивает, может потом разобрать его на части — и всё же снова выкрикнуть его при следующем голе.